

Проф. К. М. Колобова

ФАРНАК I ПОНТИЙСКИЙ

При изучении истории эллинистических монархий на территории Малой Азии прежде всего останавливает внимание различие исторических путей двух наиболее могущественных из них — Пергамского царства и Понтийской Каппадокии или Понта. И цари Пергама и цари Понта по существу мечтали о создании сильного государства и подчинении своему влиянию как соседних государств, так и торговых путей в Черное море.

Цари Пергама, преследуя эти цели, добровольно перешли в фарватер римской политики и фактически после битвы при Магнесии (190 г. до н. э.) и Апамейского мира (188 г. до н. э.) потеряли свою самостоятельность, превращаясь все более в инструмент римской восточной дипломатии. Логическим концом этого явилось завещание Атавла III в 133 г. до н. э.

Цари Понта пытались независимо от Рима, а после битвы при Магнесии и в противовес Риму, утвердить свою власть на Востоке. Впервые эта отчетливая антиримская тенденция выступает в правление Фарнака I, дела Митридата Евпатора (190/189--170/169 гг. до н. э.). Сын Фарнака I Митридат V заплатил за это смертью, ибо, как можно предполагать, он был убит в результате отказа подписать завещание своего царства Риму. И, наконец, Митридат VI Евпатор, после неудачи своих грандиозных по тому времени планов борьбы с Римом, был вынужден к самоубийству.

Фарнак I, этот, по характеристике Полибия, «противозаконнейший» из всех бывших до него царей, припел к власти в тот период, когда Селевкиды в лице Антиоха III были навсегда вытеснены из пределов Малой Азии за горы Тавра. Одновременно с этим Пергамское царство и республика Родос стали активными и наиболее влиятельными проводниками римской политики на Востоке.

Между государствами Малой Азии не было единодушия. Зайсывая перед Римом, смертельно боясь вызвать неудовольствие римского сената, Родос и Пергам постоянно сталкивались в борьбе за влияние на греческие города, расположенные на торговых путях в Черное море. Царь Вифинии Пруссия I, потерявший часть территории при Апамейском мире за свою дружбу с Филиппом V и первоначальную поддержку Антиоха III, и его преемник Пруссия II также были обижены Римом и испытывали ненависть к Пергаму. Антивифинским, несомненно, был акт заключения «*φιλία καὶ συνδικαχία*» между Римом и Гераклеей Понтийской. Царь Каппадокии Ариарат, поторговавшись, купил себе дружбу Рима за 300 та-

лантов¹. Пафлагония и Галатия, раздробленные на отдельные самостоятельные территории, не были сильными и могли предоставить завоевателю и богатую добычу, и обширные территории, и широкие возможности черпать военную силу для будущих завоеваний. Несомненно, обстановка для военных авантур, для успешных завоеваний складывалась благоприятная, если бы за спиной Пергама, наиболее заинтересованного во внутренних территориях Малой Азии, и за спиной Родоса не стоял Рим.

Все известные нам по литературным и эпиграфическим памятникам действия Фарнака I носят на себе след выполнения определенного, заранее намеченного и продуманного плана. Нам кажется несомненным, что впервые именно Фарнак I создал план подчинения себе Малой Азии в противовес Риму, и, более того, что уже Фарнак I создал и второй план, хорошо известный нам по осуществлению его Митридатом Евпатором, план включения в сферу своего влияния районов Северного и Западного Причерноморья. Будущая монархия, как она мыслилась Фарнаком, должна была охватывать берега Евксинского Понта и владеть ключевыми позициями торговых путей этого района.

Естественно, что первым шагом в осуществлении этого плана должен был явиться захват Синопы, который, по свидетельству древних, был «πόλις διαφανεστάτη τοῦ Πόντου» (St. Byz., s. v. Σινώπη). Владение Синопой открыло Фарнаку путь в Черное море; торговые связи Синопы с прибрежными черноморскими районами должны были стать путями политического проникновения Фарнака I в эти районы. Кроме того, под властью Фарнака оказалась территория Синопы с его колониями Керазусом и Котиорой на востоке и Арменой, а также Абону Тейхос и Китора на западе. Основание Фарнакии путем синопызма двух (а может быть, и более) общин² к западу от Синопы фактически ставило под контроль Фарнака серебряные и железные рудники³. О самом взятии Синопы Фарнаком I мы узнаем лишь из краткого сообщения у Страбона: παρὰ δόξαν αἰφύδνως ἐπιτεσόντος (XII, 546). Как кажется, характеристика Πολιβία (παρὰνομάτου) и все последующие утверждения о «вероломстве» Фарнака, захватившего врасплох мирных синопцев, основаны на этом кратком сообщении о неожиданном и внезапном падении Синопы.

Самый факт расширения Фарнаком театра военных действий одновременно с захватом Синопы, возможно, свидетельствует прежде всего о том, что этот захват был неожиданным для Рима, Родоса и Пергама. Более чем вероятно, что захват Синопы был подготовлен предшествующими дипломатическими переговорами. Это косвенно подтверждается и тем, что, несмотря на намерение римлян, вызванное инициативой родосцев⁴, специально расследовать синопские дела Фарнака, Синопа осталась за Фарнаком и не фигурировала в числе «беззаконий» царя в договоре 179 г. до н. э.

Не входя в детали всех известных нам событий, ограничусь кратким указанием на то, что уже в 182 — 179 гг. происходила война, начатая по инициативе Фарнака.

Интересно отметить, что и в 183 и в 182 гг. до н. э. послы Фарнака были в Риме одновременно с послами от Евмена и от Родоса. И хотя комиссия, посланная сенатом в Малую Азию в конце 183 г., уже уведомила сенат о

¹ Первоначальная цена была определена в 600 талантов. Ср. Polyb., 21, 43 и 21, 47.

² Агг., Periopl. Pont. Eux., 24, говорит об основании Фарнакии на месте Керазуса; Strabo., XII, 544 и 548, — о выводе колонии из Котиоры.

³ Ср. Strabo., XII, 549; кроме того, этот район изобиловал кораблестроительным лесом, а море — рыбой.

⁴ Ср. Polyb., 23,9; Liv., 40,4. В 202 г. при попытке Митридата захватить Синопу родосцы активно помогали защите Синопы.

дерзости и жадности Фарнака, сенат решил послать комиссию и в 182 г. для более тщательного расследования. Очевидно, прежде всего, что Фарнак I был уже вынужден de facto считаться с Римом и с его правом разбирать взаимоотношения эллинистических правителей; несомненно и то, что послы Фарнака одержали и здесь победу над своими соперниками, вероятно, щедро практикуя систему взяток и подкупа римских сановников.

И далее, римские послы, дважды приезжавшие в Малую Азию в 181 г. и потребовавшие во второй свой приезд отвода войск Евмена и Арриарата от границ Понтийского царства, по существу не предприняли никаких реальных мер в защиту своих союзников. Следствием этого было несомненное усиление Фарнака; в число его союзников, кроме правителя Малой Армении Митридата и отдельных галатских вождей, вошли (хотя и временно) пафлагонский царек Гайзаторикс и галатский тетрарх Карсигнат.

Повидимому, в этот период временного успеха Фарнака, когда была уже опустошена Галатия, когда его полководец Леократ уже захватил пограничный с Вифинией Тиус, перебив сдавшихся наемников, к коалиции Фарнака примыкает и Селевк IV, который, согласно Диодору (29, фрагм. 24), «выступил с многочисленным войском, чтобы перейти Тавр и оказать помощь Фарнаку». К сожалению, мы знаем об этой войне только по отдельным фрагментам Полибия и Диодора.

В 179 г., повидимому, под влиянием усиливающегося римского давления и какой-то военной неудачи¹, Фарнак вступил в переговоры с Евменом и Арриаратом, и после многократного обмена посольствами заключил с ними мир. Сохранившийся большой фрагмент Полибия дает нам представление о нем: «Да будет на военное время мир между Евменом, Прусией и Арриаратом, с одной стороны, и Фарнаком и Митридатом — с другой. И пусть никоим способом Фарнак не вторгается в Галатию; договоры, заключенные ранее Фарнаком с галатами, считать не имеющими силы. Равным образом пусть очистит Пафлагонию, вернув население, которое прежде увел, а вместе с ним оружие, метательные снаряды и остальное военное снаряжение. Пусть вернет Арриарату и те из укреплений, которые захватил вместе с имевшимся в них раньше снаряжением, а также и заложников. Пусть вернет и Тиус на Понте. Было записано, чтобы Фарнак возвратил и пленников без выкупа и всех перебежчиков. Кроме того, за ценность и сокровища, которые взял у Морзия и Арриарата, пусть выплатит вышеназванным царям 900 талантов и за военные издержки Евмену 300 талантов. Записано — выплатить и Митридату, сатрапу Армении, 300 талантов за то, что, нарушив договор с Евменом, вел войну с Арриаратом. В договоры были включены со стороны правителей Азии Артаксий, правитель Великой Армении, и Акусилос; со стороны правителей Европы — Гатал, царь сарматов, из свободных городов — гераклеоты, месембрийцы, херсонесцы, а с ними и кизикенцы. Наконец, было записано и относительно заложников, в каком количестве и каковых должен дать Фарнак».

Особенно интересно в этом общем изложении мирного договора 179 г. до н. э. упоминание сарматского царя Гатала и причерноморских городов — Гераклеи, Месембрии, Херсонеса и Кизикия.

С легкой руки Эд. Мейера до нашего времени в науке удержалась совершенно искусственная и ничем не обоснованная реконструкция, по которой сарматы и греческие города, очень далекие от театра военных действий, были вовлечены экономически в эту войну, когда Евмен попытался

¹ Ср. P o l y b., 25,2 (сохранилась лишь вторая половина фразы):

«... так что Фарнак, поскольку он был застигнут неожиданным и тяжелым для него нападением, был готов на любое предложение: он уже отправил послов к Евмену и Арриарату».

закрывать вход в Черное море на Геллеспонте. Вследствие резкого протеста родосцев, Евмен, сняв блокаду, будто бы заключил договор против Понта с греческими причерноморскими городами¹. Однако Эд. Мейер даже не считал нужным поставить вопрос, на основании каких соображений греческие причерноморские города согласились столь молниеносно заключить союз с Евменом, после акта явной враждебности по отношению к ним. Вообще вся работа Эд. Мейера, посвященная истории Понтийского царства (работа, во всех отношениях устаревшая), характерна чрезвычайно небрежным отношением к источникам, произвольными заключениями, не вытекающими из материала, и явной недооценкой роли Причерноморья и Черного моря в истории Понта. Именно поэтому причерноморские города передвигаются им, как пешки, в зависимости от хода его собственной (чисто кабинетной) мысли.

Эпиграфический материал, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет полнее осветить интересующий нас вопрос.

Херсонесская надпись, опубликованная Р. Х. Лепером², представляет договор о дружбе (или о ненападении) херсонесцев с Фарнаком I. Лепер, в комментариях к надписи, привлекая вышеприведенное сообщение Полибия, рассматривает эту надпись как мирный договор, заключенный после враждебных действий между Херсонесом и Фарнаком I в развитие мирного договора 179 г. Отсюда он делает вывод о том, что Гераклея как метрополия Херсонеса, сам Херсонес и, вероятно, Кизик были на стороне враждебной Фарнаку коалиции. «Зато сарматский князь, — пишет Лепер, — скорее всего действовал в союзе с Понтом и, может быть, был выставлен им против херсонесцев для отвлечения их сил от помощи сородичам на южном берегу Черного моря»³.

Однако, как это отмечено было Х. М. Дановым⁴, едва ли можно согласиться с трактовкой Лепером этого важного эпиграфического документа. Данов отмечал, что в договоре говорится о дружбе (*φιλία*), а не о мире и дружбе (*εἰρήνη καὶ φιλία*) и что вследствие этого нельзя считать этот договор мирным договором, закончившим враждебные отношения между Херсонесом и Фарнаком, как это делал Лепер.

В изложении договора у Полибия все греческие города даны суммарно; детализирован лишь вопрос о галатах, в отношении которых, как сообщает Полибий, все ранее заключенные договоры стали рассматриваться как не имеющие силы (*ὅσαι γεγόνασι πρότερον συνθήκαι Φαρνάκου πρὸς Γαλάτας ἀχόρους ὑπάρχειν*).

Более чем вероятно предположение, что остальные дружественные договоры Фарнака с другими государствами были также (по аналогии с галатами) объявлены недействительными. О запрещении новых договоров Полибий не делает никаких оговорок. Тонкое наблюдение Данова об отсутствии в херсонесской надписи формулы *εἰρήνη καὶ φιλία*, вполне естественной после враждебных отношений двух государств, позволяет нам высказать предположение о том, что этот договор с Херсонесом был лишь восстановлением более раннего, не дошедшего до нас договора Фарнака с Херсонесом.

Однако теперь в этот вновь восстановленный договор о дружбе понадобилось внести новую формулировку, которая раньше не могла иметь места:

¹ Ed. Meyer, Geschichte d. Königreichs Pontos, Lpz., 1879, стр. 77 сл.

² Р. Х. Лепер, Херсонесские надписи, ИАК, 45 (1912), стр. 23 сл.; IOSPE, I, № 402.

³ Там же, стр. 32—33.

⁴ Х. М. Данов, Връзки на Понтийското царство с западното черноморско крайбрежие според два новонамерени надписа, «Изв. на Истор. Друж. в София», XIV/XV (1937), стр. 63—64.

«[но будем содействовать охране его царства по мере возможности, пока он останется верен дружбе] с нами и соблюдает дружбу [с римлянами, ничего не предпринимая] против них» (стк. 1—5), и со стороны Фарнака после торжественного обещания помощи Херсонесу и дружбы к нему: «если они (херсонесцы) сохранят ко мне дружбу и поклянутся той же самой клятвой, и будут соблюдать дружбу к римлянам, и ничего не совершат против них» (стк. 24—27). Иначе говоря, несомненно под давлением Рима, в договор Херсонеса с Фарнаком I была внесена особая статья о дружественности к Риму обеих сторон как о необходимом элементе в новых отношениях Фарнака I к Риму.

Нужно отметить и то, что не послы Фарнака прибыли в Херсонес, но херсонесцы к Фарнаку и клятвы была произнесена Фарнаком в С и н о п е. Это указывает на то, что инициатива составления (как мы думаем, возобновления) этого договора принадлежала Херсонесу, что не могло бы иметь места, если бы более заинтересованной стороной был Фарнак.

Объяснение этого мы находим в самой надписи, в клятве Фарнака: «Я буду всегда другом херсонесцев, и если соседние варвары выступят походом на Херсонес или подвластную херсонесцам землю или будут обижать херсонесцев и (они) призовут меня, я буду помогать им, поскольку позволит мне время» (стк. 13—18). Мы не можем не сопоставить эту говорящую за себя формулировку, несомненно включенную в клятву Фарнака по инициативе херсонесцев, с известием о сарматском царе Гатале, упомянутом у Полибия.

В этот период центр скифов передвинулся из Приднепровья в Крым (Неаполь Скифский), где во II в. до н. э. скифы представляли собой уже сложившееся рабовладельческое государство с укрепленными городами, с чеканкой монеты и с каким-то видом протектората или влияния скифов на Ольвию (мопеты Скигура) ¹. В этот же период, во II в., усиливается давление скифов на Херсонес, причем херсонесцы ищут союзников против скифов и в лице Фарнака и, по всей вероятности, в лице царя Гатала, т. е. среди сарматских племен, обитавших на севере у входа в Крымский полуостров.

Наше предположение о дружбе херсонесцев с сарматами находит подтверждение и в сохраненном у Полиена рассказе о жене сарматского царя Медосакка Амаге (P o l., Strateg., 8, 56). В этом рассказе херсонесцы, теснимые соседними скифами, просят у нее союза, и она сначала посылает скифам предупреждение воздержаться от нападений на Херсонес. Поскольку царь скифов не обратил внимания на ее слова, она предприняла набег на скифскую территорию, убила царя и находившихся с ним друзей и родственников; возвратив землю херсонесцам (χερρονήσιταις μὲν ἀπέδωκε τὴν χώραν), она приказала сыну скифского царя, поставленному ею на царство, «справить справедливо и воздерживаться от нападений на соседних эллинов и варваров, видя конец своего отца».

Этот рассказ Полиена был уже давно справедливо сопоставлен с договором между Фарнаком и Херсонесом. И в этом рассказе и в нашем эпиграфическом документе херсонесцы страдают от набегов соседних скифов: (в надписи: οἱ παρακείμενοι βάρβαροι; у Полиена οἱ παρακείμενοι Σκύθαι); у Полиена Амага приказывает сыну скифского царя δικαίως ἀρχειν καὶ ἀπέχεσθαι τῶν προσοικούντων Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων; в нашей надписи Фарнак обещает херсонесцам помощь в случае, если скифы ἀδικῶσιν χερρονήσιταις; у Полиена Амага возвращает херсонесцам землю, захваченную скифами (χερρονήσιταις μὲν ἀπέδωκε τὴν χώραν);

¹ Ср. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, Л., 1949, стр. 301.

в надписи Фарнак обещает помощь в случае, если будет захвачена земля херсонесцев (ἢ τῆν κρατοῦμένην ὑπὸ χερσονησιτῶν χώραν). Разительное совпадение общей обстановки заставляет нас согласиться с принятой датировкой рассказа Полиена II в. до н. э. и считать, что здесь дано изображение событий одновременных или близких по времени к договору с Фарнаком¹. Таким образом, мы приходим к выводу, что в период мира 179 г. до н. э. Херсонес и сарматский царь Гатал находились в союзе.

Несомненно, что и Гераклея Понтийская была связана дружественными связями с Херсонесом как его метрополия. Что же можно сказать об отношениях Гераклеи с Фарнаком I в период войны 183—179 гг.? Обычно захват Фарнаком Тиуса рассматривается как акт, враждебный Гераклее; обращают внимание и на дружбу Гераклеи с Римом. Отсюда делают логический вывод о враждебности Гераклеи к Фарнаку. Действительно, в противовес Вифинии Рим вскоре после Апамейского мира заключает союз с Гераклеей, чтобы, как сообщает Мемнон (XIII/XIV, 26; FHG, III, 539), «быть не только друзьями, но и союзниками друг другу».

Повидимому, незадолго до этого события Пруссия I в войне с Гераклеей захватил всю ее территорию, в том числе и Тиус (Мешп., XV, 27). Тиус, повидимому, стал пограничным с Понтом городом, куда был введен гарнизон наемников (вероятнее всего, галатов). Таким образом, те мисифорои, которые, по договору с Леокритом, должны были освободить ему Тиус, являлись наемниками Пруссии II (D i o d., 29, 33).

Однако, вопреки договору, наемники были перебиты после выхода из города за то, что раньше они вредили Фарнаку (ἐν δὲ τοῖς ἐπόμενοις χρόνοις ἠδικηκότων τὸν Φαρνάκην). Каким же образом этот сторожевой гарнизон Тиуса мог вредить царю Понта? Сама по себе эта постановка вопроса о несправедливостях, причиняемых кучкой наемников могущественному царю, кажется странной, если не предположить, что эти наемники — галаты, состоящие на службе у Пруссии. У того же Мемнона (XIII/XIV, 24) мы читаем о помощи гераклеотов Амису во время борьбы Митридата III с галатами (середина III в. до н. э.). Далее Мемнон рассказывает (уже после борьбы Гераклеи с Пруссией I) о нападении галатов на Гераклею и откупе гераклеотов (XV, 28).

И нам кажется, что мотивировка Фарнака I, повидимому, чрезвычайно сокращенная у Диодора, несомненно, намекает на эти события: на вред, нанесенный галатами Понту и Гераклее, на приход Фарнака в Тиус в качестве мстителя за прошлые обиды и для восстановления справедливости, попорченной вифинскими парями. Такая политика Фарнака I, во-первых, была бы точно выдержана в духе эллинистических «царей-освободителей» и, во-вторых, несомненно, должна была содействовать росту популярности Фарнака у причерноморских городов. Самый ход происходивших в Тиусе событий, как кажется, подтверждает наше предположение. Наемники, фактически управлявшие городом, не так давно принадлежавшим Гераклее, перебиты; жители Тиуса освобождены от вифинского произвола.

Таким образом, и без этого крайне для нас интересного свидетельства о некоей декларации Фарнака по поводу наемников, общая картина достаточно ясна. Захват Тиуса был направлен не против Гераклеи, но против Вифинии, врага Гераклеи; этим и вызван был союз Пруссии II с Пергамом, с которым у него и раньше и позже были явно враждебные отношения постоянного соперничества. Утверждение, что захват Тиуса был направлен против Гераклеи, представляется нам какой-то явной ошибкой, к сожалению, получившей широкое распространение в литературе.

¹ Конечно, мы говорим лишь о правильном отражении общей исторической обстановки, а не об историчности анекдота о самой Амаге, ее пьянице-муже и т. д.

Наше предположение косвенно подтверждается и вышеприведенным свидетельством о враждебности Родоса к Евмену именно в период борьбы Евмена с Фарнаком и актом грубого насилия Евмена над свободой черноморской торговли. Мы не знаем истинных намерений Фарнака по отношению к Гераклее Понтийской, но несомненно, что игра на существующих противоречиях между Вифинией и Гераклеей и роль «освободителя» была как нельзя более выгодна Фарнаку в этот период¹. Несомненно и то, что союз, заключенный ранее между Гераклеей и Римом, не был нарушен Фарнаком, ибо этот союз носил антивифинский характер. Это представило новую возможность для послов Фарнака в Риме изображать Фарнака как «друга римлян».

Наше предположение о дружественных отношениях Фарнака к Гераклее косвенно подтверждается и надписью из Одессы, опубликованной Д а н о в ы м². Ввиду того, что эта надпись осталась еще неиспользованной в нашей советской литературе, я позволю себе привести ее целиком.

α ν τ α . .

. π ρ ε σ β ε υ τ ῶ [ν

. π] ο ῆ σ α σ θ α ι χ ρ η μ

. ν τ ω ν π ο λ λ ᾶ τ ῶ [ν

5 κ ῆ θ ε ι Φ α ρ ν ᾶ κ η ν δ ῆ

ρ ο ι ς κ α ι π ο ι ο ῦ μ ε ν ο ν ἄ

ἐ ν τ α ῖ ς] π ε ρ ι ε χ ο ῦ σ α ι ς α ὔ τ ο ν [δ υ σ κ ο λ ῖ α ι ς (?)

. ὀ λ ο σ χ ε ρ ῶ ς μ ἢ ἄ π ο τ

. ὁ δ ῆ μ ο ς ἔ π ε ι σ ε κ α ι ἠ ἕ ξ ῖ ω [σ ε

10 π ρ ε σ] β ε υ τ ῶ ν φ ι λ ᾶ ν θ ρ ῶ π ω ς

. ἐ] π α γ γ ε λ ῖ α ν π ο ῆ σ α σ θ α ι δ [ἐ

κ α τ ᾶ τ ὸ ν] μ ῆ ν ἐ ν ε σ τ ῶ τ α κ α ι ρ ὸ ν ὑ π

ἐ ν δ ῆ τ ο ῖ ς μ ε] τ ᾶ τ α ῦ τ α χ ρ ὶ ο ν ι ς π ο λ υ ῶ [ρ ῖ α ν ἢ ἢ ρ ε ῖ ν

κ α ι ὕ σ α ὔ τ ο ῦ ς ἴ σ ω ς

15 ἠ ἤ Ι Ν Η Μ Λ

Х. Данов комментирует надпись следующим образом.

«Из сохранившихся отрывков и особенно из стк. 2 и 10 можно заключить, что в надписи речь идет о посольстве (πρεσβευταί), высланном Фарнаком в гор. Одесс или наоборот. В стк. 3 речь идет о каких-то денежных средствах (χρήματα).

Стк. 7 ... περιεχούσαις неясно, к кому относится περιέχειν.

Стк. 9 содержит другую, очень редкую формулу ὁ δῆμος ἔπεισε καὶ ἠξίωσε; исходя из нее можно было бы допустить, что в надписи излагались известные события или переговоры, в течение которых народ Одессы был спрошен своими высшими коллегами и одобрили и принял эти известные мероприятия.

Стк. 10 Наречие φιλάνθρωπος позволяет допустить, что послы одного из переговаривающихся или договаривающихся государств, вероятно Фарнака, сделали что-то, что шло на пользу варненскому народу, и за это получили его одобрение.

¹ Заметим, кстати, что Тивус, отданный Римом Евмену II после 179 г. до н. э., был «великодушно» возвращен Евменом Пруссии за его услуги в войне с Фарнаком.

² «Изв. на Истор. Друж. в Софии», XIV/XV (1937), стр. 55 сл.

Стк. 11 Из ἐ] παγγελίαν ποῖσασθαι можно предположить с достаточно большой уверенностью, что одно из государств сделало какое-то заявление или прямо обещало, что-то другому государству.

Стк. 12—13 Эти две строки дополнены, что, впрочем, достаточно достоверно, исходя из следующей предпосылки: в надписи упоминалось одно положение дел при существующих (данных) обстоятельствах; κατὰ τὸν μὲν ἐνεστώτα καιρὸν значит буквально: согласно сегодняшнему положению дел (в данный момент), в противовес ἐν δὲ τοῖς μετὰ ταῦτα χρόνοις, т. е. «положение дел во время после этого» (при других условиях) (там же, стр. 55).

Несмотря на плохую сохранность текста, ясно, что здесь мы имеем дело с каким-то договором между Фарнаком I и жителями Одесса. В надписи дважды упомянуты πρεσβευταί (стк. 2 и 10), в стк. 3 явно восстанавливается слово χρῆσι [ατα], в стк. 9 дается редкая формулировка: δῆμος ἔπεισε καὶ ἠξίω [σε, т. е. одобрение и утверждение народом результатов переговоров с Фарнаком; слово φιλανθρωπῶς должно, несомненно, относиться к Фарнаку; в стк. 12 и 13 содержится какое-то противопоставление: в отношении условий данного и последующего времени.

Независимо от того, что состояние надписи не позволяет восстановить точно смысла ее содержания, важно одно: Фарнак I находился в дружественных отношениях с Одессом и оказал ему или обещал оказать некоторую (может быть, денежную) помощь. Иван Велков в своей интересной статье о греческих колониях Западного Причерноморья¹ указывает на находки в Одессе монет с изображением Митридата и на жестокую расправу Лукулла с городом в 72 г. до н. э. Велков указывает и на то, что Одесс был одним из крупнейших городов Западного Причерноморья, игравшим ведущую роль и в причерноморской торговле, особенно же во взаимоотношениях с северо-причерноморскими районами. Находки в погребениях устанавливают тесную связь греческих городов этого района с югом России вообще и в особенности с Ольвией². Таким образом, путем союза с Одессом Фарнак мог распространить свое влияние и на сравнительно обширные районы, связанные с этим греческим городом.

Истории Месембрии мы, к сожалению, почти не знаем. Но факт проникновения влияния Фарнака на западное побережье Черного моря свидетельствует, как кажется, о том же направлении дипломатии Фарнака и в отношении городов Причерноморья. Эта политика Фарнака, конечно, должна была широко использовать в своих целях и торговые связи Синопы.

Таким образом, «включенные» в договор 179 г. Гераклея, Месембрия, Херсонес, а вместе с ними и Кизик были городами, дружелюбными и Фарнаку и до войны и во время войны.

То, что Кизик оговорен у Полибия особо (σὺν δὲ τοῖς Κυζικηνοῖς), может быть, свидетельствует о несколько особом положении Кизика, этого геллеспонтского Родоса и по его торговому значению и по его внешней политике. Кизик был связан с Северным Причерноморьем тесными торговыми связями; он был связан и с Малой Азией — с путем в Смирну (отсюда дружелюбность к Пергаму) и с путями в Синопу (отсюда дружелюбность к Фарнаку). Засвидетельствована и постоянная дружелюбная связь с Кизиком Родоса. Таким образом, оговорка о Кизике появилась у Полибия именно в силу политики строгого нейтралитета этого

¹ И в. В е л к о в, Бележки за колонизацията и градовете по нашето Черноморско крайбрежие, «Изв. на Истор. Друж. в София», XI—XII (1931/1932), стр. 43 сл.

² Там же, стр. 50—51; ср. И в. В е л к о в, Нови могили находки, «Изв. на Българския Арх. Инст.», V, 13 сл.

города по отношению к враждующим между собой государствам Малой Азии. В создавшейся на Черном море политической обстановке Кизику было невыгодно враждовать с Фарнаком, равно как политика дружбы с Евменом не позволяла ему занять позицию, враждебную Евмену.

Упоминаемый в договоре Артаксий, правитель Великой Армении, и Акусилох также поддерживали Фарнака, может быть, только более пассивно, чем правитель Малой Армении Митридат.

Итак, все включенные в договор цари и греческие города являлись дружественными Фарнаку; однако, поскольку у Полибия нет упоминаний о денежных взысканиях Рима, обращенных на эти государства, можно думать, что их помощь Фарнаку не приняла еще формы открытого выступления против Пергама и Вифинии. Неудача блокады Черного моря, предпринятой Евменом II, свидетельствует, скорее всего, о наличии оживленных торговых связей Фарнака с причерноморскими городами вопреки желанию пергамского царя и о политических симпатиях Гераклеи, а может быть, и Месамбрии к Фарнаку.

Однако самый факт активной политики союзов и договоров в Западном и Северном Причерноморье, с нашей точки зрения, свидетельствует о широко задуманных планах подчинения влиянию Понта всего черноморского побережья. Таким образом, внешняя политика Митридата Евпатора в Черном море уже имела предшественника в лице Фарнака I: Митридат VI, в сущности, начал с того, чем кончил в свое время его дед. Появление полководцев Митридата — Диофанта в Херсонесе, Неоптолема в Ольвии и Эпитинхана в Аполлонии¹, монеты с изображением Митридата в Одессе свидетельствуют о том же пути проникновения влияния Митридата в Северное и Западное Причерноморье и о тех же приемах первоначальных договоров о дружбе и помощи, с которых начинал и Фарнак. Более того, если мы правильно рассматривали оговорку у Диодора о причинах избиения наемников в Тиусе, как отзвук выступления Фарнака в роли «освободителя» греческих городов, то и здесь имелось бы несомненное сходство с последующей политикой Митридата в Малой Азии.

Фарнак I умер вскоре после мира 179 г., не успев продолжить осуществление намеченного плана. Осуществил его в значительно более полном виде Митридат Евпатор. Путь борьбы Понта с римским влиянием на Востоке привел в свое время Фарнака к плану расширения власти Понтийского царства за счет черноморского побережья; позже непосредственное вооруженное столкновение с Римом привело Митридата VI к выполнению этого же, но гораздо более расширенного плана.

Реальной предпосылкой к осуществлению этих планов и в том и другом случае была теснейшая связь, существовавшая между Северным и Южным Причерноморьем; связь эта неоднократно отмечалась в археологической литературе. Политические и экономические преимущества при государственном объединении этих связанных между собою районов в рамках территории единого (Понтийского) царства, несомненно, были ясны уже Фарнаку, как позже они были ясны и Митридату.

¹ Д а в о в, там же, стр. 65: надпись из Аполлонии; строку 8, может быть, следует восстановить ἐπὶ σ] υμ [μαχίαν], а не σ] υμ [αχίαν (?)], как предлагает Данов. Имя Эпитинхан очень необычно, но все же, повидимому, необходимо принять его как имя собственное по контексту надписи.